

В. Бузескул

**Античность и
современность**

**Современные темы в античной
Греции**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
В11

В11 **В. Бузескул**
Античность и современность: Современные темы в античной Греции / В.
Бузескул – М.: Книга по Требованию, 2023. – 200 с.

ISBN 978-5-458-54560-0

Греческий мир оставил современному культурному человечеству великое, по своему значению, наследие. В античной Греции – корни современной философии, науки, культуры вообще. Но греки не только грезили о прекрасном: они жили также и обыденными, прозаическими интересами; они испытали борьбу политическую и социальную, сходные с теми, которые занимают современное человечество.

ISBN 978-5-458-54560-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Греческій міръ оставилъ современному культурному человечеству великое, по своему значенію, наслѣдіе. Въ произведеніяхъ своей литературы и искусства онъ завѣщаль намъ образцы дивной, неувядаемой красоты. По изящному выраженію знатога и поклонника античности, *Ө. Ф. Зѣлинскаго* ¹⁾, въ эллинскомъ мірѣ „впервые предстала передъ человечествомъ, связаннымъ имъ же скованными узами, упительная троица — радость, красота и любовь, какъ высшая цѣнность жизни...“. Въ Греціи — корни современной философіи, науки, современной культуры вообще. Говоря словами *Мэна*, — не филолога-классика, котораго можно было бы заподозрѣть въ слѣпомъ преклоненіи предъ греками, — „все, что движется въ нашемъ мірѣ, имѣетъ свое начало въ Греціи“. Извѣстный географъ *Реклю* сравниваетъ Аены съ тѣми звѣздами, которыя уже потухли, но еще продолжаютъ освѣщать землю; такъ и этотъ городъ, бывшій „школою Эллады“, представляетъ все еще шволу

¹⁾ Венеціанскій купецъ и кольцо Нибелунга („Рус. Мысль“, 1911, янв., стр. 85). Ср. *его-же*, Древній міръ и мы (во II т. „Изъ жизни идей“).

для цѣлаго міра, которал, черезъ двадцать вѣковъ послѣ своего паденія, не перестала просвѣщать насъ.

И тѣмъ не менѣ къ этому античному міру русское общество—по крайней мѣрѣ, до послѣдняго времени—относилось съ холоднымъ равнодушіемъ, скорѣе даже съ отвращеніемъ. Виною тому въ значительной степени та „классическая“ или, вѣрнѣе, „грамматическая“ система, которая проводилась у насъ съ такимъ ожесточеніемъ въ 70-хъ и 80-хъ годахъ прошлаго вѣка и которал, конечно, способна была не привлечь, а оттолкнуть отъ всего, что напоминало ненавистный классицизмъ. Въ лучшемъ случаѣ за античностью признается эстетическое значеніе, допускается, что юншество „на пути къ ярмаркѣ жизни“ должно проходить „черезъ тихій храмъ великой классической старины“; но старина эта все-же представляется чѣмъ-то чуждымъ и далекимъ; ея исторія кажется хотя, можетъ быть, и важною, но неинтересною, какою-то безжизненною.

Въ дѣйствительности она полна живого интереса. Дѣло въ томъ, что „великая классическая старина“ — не только „тихий храмъ“; греки не только грезили о прекрасномъ: они жили также и обыденными, прозаическими интересами; они испытали борьбу политическую и соціальную; предъ ними стояли жгучіе вопросы, жизненные проблемы, сходныя съ тѣми, которыми занимаютъ современное человѣчество, — проблемы „вѣчныя“, и они трудились и волновались надъ ихъ разрѣшеніемъ, не говоря уже о томъ, что они создали *раціональную науку, пріемъ критическаго изслѣдованія*. Такимъ образомъ, отношеніе античнаго міра къ совре-

менному мы можем разсматривать, не только имѣя въ виду, какъ много первый далъ второму, какъ античность отражается въ современности, ¹⁾ но и наоборотъ—какъ много въ античномъ мѣрѣ „современнаго“, такого, что считается принадлежностью нашего времени.

Материала для знакомства съ этой стороной античной жизни достаточно, частью стараго, давно извѣстнаго, мимо котораго прежде обыкновенно проходили, не замѣчая его или не давая ему должнаго освѣщенія ²⁾, частью новаго, недавно открытаго въ видѣ надписей и папирусовъ. Я ограничусь лишь нѣсколькими примѣрами и начну съ греческаго *государства*.

¹⁾ Объ этомъ см. напр. *Mahaffy*, What have the greeks done for modern civilisation? N.-York-Lond. 1909; *P. Cauer*, Das Altertum im Leben der Gegenwart. Leipz. 1911 (изъ коллекціи „Aus Natur und Geisteswelt“); *O. Immisch*, Das Erbe der Alten. Sein Wert und Wirkung in der Gegenwart; *Förster*, Das Erbe der Antike. Breslau. 1911 (Festreden); *Θ. Φ. Зѣлинскій*, Древній мѣръ и мы (II т. „Изъ жизни идей“. Слб. 1905).

²⁾ Этотъ матеріалъ выдвинутъ въ трудахъ новѣйшихъ ученыхъ, главнымъ образомъ—*Дл. Мейера* и *Пельмана*.

I.

Греческое государство.—Его нравственные основы.—Понятіе о гражданинѣ.—Вопросъ о формахъ правленія.—Характеристика демократіи.—Свобода и равенство въ теоріи и на практикѣ.

Съ перваго взгляда греческое государство во многомъ отличается отъ современнаго. Его типъ — *государство-городъ*, т. е. городъ съ его ближайшими окрестностями. Небольшая территорія, легко обозримая, считалась какъ бы необходимымъ условіемъ для государства съ обычной точки зрѣнія грека ¹⁾. Аѳинская республика, занимавшая пространство около 40 кв. миль, уже считалась обширною и являлась скорѣе исключеніемъ изъ общаго правила. Какая разница въ сравненіи съ территоріями современныхъ государствъ! Далѣе: греческое государство и общество основывалось въ значительной мѣрѣ на рабствѣ, на рабскомъ

¹⁾ См. напр. разсужденія Аристотеля въ „Политикѣ“, VII, 4, р. 1326 a—b (рус. пер.—С. А. Жебелева. Спб. 1911 [въ „Трудахъ Сиб. Философск. Общества“, вып. VII] и М. 1911 [изд. Сабашниковыхъ]).

трудѣ. Впрочемъ не слѣдуетъ преувеличивать значеніе этого явленія. Рабовъ въ античномъ мірѣ не было такъ много ¹⁾, какъ прежде принято было думать. Наряду съ рабами въ Греціи существовали и свободные рабочіе. Въ древности болѣе интенсивное рабское хозяйство только тамъ возникало, гдѣ не хватало дешевыхъ туземныхъ рабочихъ силъ ²⁾. Рабы были преимущественно изъ варваровъ, и съ точки зрѣнія Аристотеля варваръ и рабъ по природѣ своей понятія тождественныя ³⁾. Надо также имѣть въ виду, что рабы въ древности замѣняли нынѣшнія машины и оказывали на хозяйственный порядокъ вліяніе, подобное тому, какое теперь оказываетъ машинное производство ⁴⁾. Еще Аристотель говорилъ, что если бы каж-

¹⁾ Это доказало Белохомъ и Эд. Мейеромъ. См. также *Ciccoti, Il tramonto della schiavitù nel mondo antico*. Torino. 1899.

²⁾ Подтверждается и примѣромъ Египта времени Птолемеевъ. *Mitteis und Wilcken, Grundzüge u. Chrestomathie der Papyruskunde*. I Bd; Histor. Teil. 1-te Hälfte: Grundzüge von *U. Wilcken*. Leipz.-Berl. 1912, стр. 27—28.

³⁾ О рабахъ—въ началѣ „Политики“.

⁴⁾ По мнѣнію извѣстнаго знатока исторіи древности *Эд. Мейера*, свободный трудъ—не пресмникъ рабства, а, напротивъ, „возникаетъ въ тотъ самый моментъ, когда и рабство начинаетъ выступать въ качествѣ экономически значительнаго фактора: оба они одного возраста и представляютъ лишь двѣ различныя конкурирующія между собою формы, въ которыхъ пытается найти удовлетвореніе одна и та же экономическая потребность,—формы, въ которыхъ выражается одинъ и тотъ же экономическій переворотъ. Капиталъ нуждается въ дешевыхъ и подвижныхъ, освобожденныхъ отъ естественно выросшихъ отношеній патріархальнаго средневѣковаго общества рабочихъ силахъ, которыя стараются использовать въ возможно полномъ объемѣ; а правовая форма, въ которой онѣ ему предлагаются, стоитъ экономически на второмъ планѣ“. Э. Мейеръ тутъ усматриваетъ иѣкоторую

дый инструмент могъ выполнять свойственную ему работу самъ, если бы, напр., ткацкіе челноки сами

аналогію между развитіемъ древности и новаго времени. Эпохой развитія рабства, по его словамъ, была эпоха расцвѣта демократіи, и рабство этого періода вызвано тѣми же причинами, что и свободный трудъ новаго времени: онѣ стоятъ на одной линіи. Вопросъ, по мнѣнію Мейера, не въ томъ, какъ возникло античное рабство, а въ томъ, какъ объяснить, что аналогичное современное развитіе съ XIV—XV стол. не привело на Западѣ къ господству рабства? П. Э. Мейеръ отвѣчаетъ, что здѣсь рѣшающее значеніе имѣлъ тотъ моментъ, на которомъ, при всемъ параллелизмѣ, поконтся основное отличіе христіано-германскаго развитія отъ античнаго: античное развитіе идетъ отъ изолированности націй и отъ небольшихъ государствъ къ соединенію и окончательному единству, христіанское же средневѣковое начинается съ единства и, не смотря на все разлагающіе элементы, сохранило унаслѣдованную отъ древности идею единства человѣческаго рода, что однако не помѣшало вывозить рабовъ изъ странъ нехристіанскихъ, изъ Африки, и пользоваться ими въ американскихъ колоніяхъ. Стремленіе капитала къ большей прибыли и къ возможно болѣе дешевому труду, по мнѣнію Мейера, уравнивается также развитіемъ промышленности и обиліемъ иноземныхъ рынковъ для сбыта. Въ этомъ и заключается спасеніе. Но Э. Мейеръ не считаетъ совершенно невозможнымъ, чтобы въ наше время, — время свободнаго труда, — не повторилось развитіе рабства, подобное тому, какое наблюдается въ древности. „Римскій капиталъ“, говоритъ онъ, „хватился за рабство, потому что оно уже было готово; еслибъ этой формы не было, онъ кинулся бы искать другой; чтобы добыть себѣ необходимыя рабочія силы, а потому была бы найдена и соответствующая правовая форма... Идея ввозить въ Германію китайскихъ кушачей-ли осуществится; но извѣстно, какими массами сельское населеніе стекается въ города; выйдите въ поле гдѣ-нибудь въ Лаузицѣ или Саксоніи и посмотрите; сколько мелкихъ собственниковъ ведутъ здѣсь безнадежную борьбу за существованіе; съ другой стороны, какъ ничтожно въ имѣніяхъ число нѣмецкихъ батраковъ и поденниковъ, между которыми нѣтъ ни одного крестьянина изъ ближайшихъ поселковъ, такъ какъ трудъ его считается слишкомъ дорогимъ, а притязанія — чрезмѣрными; посмотрите, какъ изъ года въ годъ, лишь только наступаетъ пора

ткали, то тогда не нужны были бы и рабы. А приводи стихъ Гесиода: „домъ прежде всего, супруга за-тѣмъ, и быкъ-землепашецъ“, онъ поясняетъ, что „у бѣдьяковъ быкъ заступаеъ мѣсто раба“.

Но всмотримся ближе въ греческое государство, въ его основы, его задачи, и мы, рядомъ съ отличіями, замѣтимъ много намъ близкаго, сходнаго съ современнымъ правовымъ государствомъ.

Уже древній грекъ искалъ *правды* и *справедливости*. Осуществленія ихъ онъ ждалъ отъ государства: оно—строитель справедливости. Грекъ полагалъ, что если есть правда на землѣ, если есть нравственные начала, то они должны существовать не только въ душѣ человѣка: они должны найти выраженіе въ общественныхъ отношеніяхъ, въ государственномъ строѣ¹⁾. Забота о справедливости для государства—все равно, что забота о здоровьѣ для отдѣльнаго человѣка. Для государства необходимы *нравственныя основы*. Оно можетъ существовать только тогда, когда въ немъ господствуетъ право, *αἰδώς τε καὶ δίκη*,—стыдъ, т. е. совѣсть, нравственное чувство, и справедливость²⁾. Для греческаго мыслителя политика, ученіе о госу-

полевыхъ работъ, на желѣзнодорожныхъ станціяхъ начинаютъ высаживаться цѣлыми толпами польскіе рабочіе, расходившіеся потомъ по имѣніямъ,—и вы не въ состояніи будете отдѣлаться отъ подобныхъ мыслей“... См. *Ed. Meyer, Die Sklaverei in Altertum* (теперь перепеч. въ его *Kleine Schriften*. Halle. 1910); есть рус. перев.

¹⁾ Кромѣ „Политики“ Аристотеля, см. сочиненія Платона: „Государство“, „Законы“, „Горцій“, „Протагоръ“ и др.

²⁾ *Hirzel, Themis, Dike und Verwandtes. Ein Beitrag zur Geschichte der Rechtsidee bei den Griechen*. Leipzig. 1907, стр. 57.

дарствѣ, составляетъ лишь часть этики. Платонъ развиваетъ мысль о томъ, какъ государство возникаетъ въ силу матеріальныхъ потребностей человѣка, но онъ считаетъ задачей государства и государственныхъ дѣятелей содѣйствіе нравственному совершенствованію человѣка: только въ государствѣ человѣкъ можетъ развить свои лучшія стремленія и качества, и государство должно имѣть въ виду общее благо, а не благо одного сословія. По Аристотелю, всякое государство—продуктъ естественнаго процесса, естественнаго развитія, и человѣкъ по природѣ своей—существо политическое. Государство возникаетъ ради потребностей жизни, для достиженія самодовлѣющаго существованія. Но этого мало: цѣлью его служить *благая жизнь*; государство создается не только для того, чтобы люди могли жить, но и для того, чтобы они могли жить *счастливо и прекрасно*.

Съ понятіемъ о греческомъ государствѣ неразрывно связано понятіе о греческомъ *гражданствѣ*.

Бѣлинскій писалъ Боткину: „...Обаятеленъ міръ древности. Въ его жизни зерно всего великаго, благороднаго, доблестнаго, потому что основа его жизни—гордость личности, неприкосновенность личнаго достоинства“¹⁾. Обыкновенно думаютъ, что высокое понятіе о *чести* развилось въ западно-европейскомъ средневѣковомъ обществѣ, въ эпоху рыцарства. Но вотъ что читаемъ мы у Ксенофонта²⁾. Въ его діалогѣ „Гіе-

¹⁾ О возрѣніяхъ Бѣлинскаго на античный міръ—ст. В. Р. Лобанова въ „Гермесѣ“, 1911, № 7—9.

²⁾ См. *Н. Ф. Зюлинскій*, Трагедія чести („Вѣстн. Евр.“, 1911, сент., стр. 131).

ронъ⁴ поэтъ Симопидъ говоритъ: „Великое дѣло—честь! Въ стремленіи къ ней люди всякій трудъ берутъ на себя, ни передъ какой опасностью не отступаютъ. И мнѣ думается, что именно этимъ мужъ отличается отъ прочихъ живыхъ существъ—своимъ стремленіемъ къ чести. Вѣдь въ самомъ дѣлѣ ѣда, питье, сонъ, любовныя утѣхи—всѣмъ этимъ... одинаково наслаждаются всѣ твари; любовь же къ чести не врождена ни безсловеснымъ животнымъ, ни даже всѣмъ людямъ. А тѣ, въ кого природа вселила жажду къ чести и хвалѣ,—это именно тѣ, которые болѣе всего возвышаются надъ животными и заслуживаютъ имени уже не просто людей, а именно мужей“. Греки ставили человѣческую личность чрезвычайно высоко¹⁾. Вспомнимъ титаническій образъ Прометея, борца за чело-вѣчество, за его прогрессъ,—борца, „пріавшаго муку за высшія стремленія духа“, или слова хора у Софокла²⁾:

„Въ мірѣ много силъ великихъ,
Но сильнѣе челоѣка
Нѣтъ въ природѣ ничего...
Создалъ рѣчь и вольной мыслью
Овладелъ, подобной вѣтру,
И законы начерталъ“.

При такомъ міровоззрѣніи грекъ въ государствѣ не могъ спизойти до уровня безгласнаго подданнаго-раба, какъ было напр. на Востокѣ. Необходимая принад-

¹⁾ Это, какъ извѣстно, не мѣшало имъ признавать рабство и имѣть рабовъ,—впрочемъ, болышею частью изъ „варваровъ“.

²⁾ „Антигона“, пер. Д. С. Мережковского, стр. 18—19.

лежность греческаго гражданина—участіе въ управленіи. По Аристотелю, гражданинъ—тотъ, кто можетъ быть судьей и должностнымъ лицомъ, кто участвуетъ въ судѣ и въ народномъ собраніи. До извѣстной степени признавалась неприкосновенность личности гражданина; по крайней мѣрѣ въ Афинахъ члены совѣта пятисотъ, главнаго административнаго органа, при вступленіи въ должность давали клятву, въ которой они между прочимъ обязывались не заключать въ тюрьму ни одного афинянина, если онъ представитъ трехъ поручителей (за исключеніемъ, впрочемъ, нѣкоторыхъ случаевъ). Французскій ученый Glotz, одинъ изъ лучшихъ современныхъ знатоковъ древне-греческаго права, называетъ это обязательство—конечно, не безъ преувеличенія—„Habeas corpus афинскаго права“¹⁾. „Эллину свойственна свобода“, могъ съ гордостью заявить грекъ (τὸ Ἑλληνικὸν ἐλευθέρων).

По Солонову закону каждый имѣлъ право заступиться за обижаемаго. По Демокриту власти избираются для того, чтобы творить благо, а не зло. Идея раздѣленія властей, развитая Монтескьё, извѣстна была уже грекамъ: мы ее встрѣчаемъ у Аристотеля, который въ своей „Политикѣ“ говоритъ о трехъ властяхъ—законодательной (или, какъ онъ ее называетъ, законосовѣщательной), административной и судебной. Во всякомъ государственномъ строѣ, по его словамъ, есть эти три элемента, составляющіе основу каждой изъ формъ правленія. Отъ соотношенія ихъ зависитъ

¹⁾ Etudes sociales et juridiques sur l'antiquité grecque. P. 1906, стр. 128.